

Когда к чайному навесу подходили чужаки, Жёлтый пёс забивался в самый дальний угол. Он настороженно прятал ушами и следил за гостями круглыми глазами, а стоило тем уйти, тут же подскакивал к Шэнь Ханю и принимался заговорщически нашептывать:

— Супруга, нам, благородным оборотням, самосовершенствование даётся великим трудом, а эти праведники, как один, подлые твари! Да и первый советник Владыки, господин Фэн Хуашуан, хорош — только и знает, что целыми днями перед зеркалом крутиться да любоваться собой. Нет бы отправиться в секту Сансары и разведать обстановку! А как случись беда, у него одно на уме — лезть на рожон да резаться с праведными псами. Разве так поступают истинные мужи?

Шэнь Хань отправился за чайный навес собирать свежие листья. Пёс, усердно виляя хвостом, поплёлся следом:

— Супруга, меня зовут Хуан Чань. Ну, как цикада! Слыхали, небось? Если цикаду хорошенько обжарить в масле, такой аромат пойдёт — пальчики оближешь!

Всего за одну ночь увядшие листья на деревце боярышника расправились и налились сочной зеленью. Сами плоды тоже будто покрупнели, а посаженные у корней хризантемы ожили и потянулись к солнцу, полные первозданной силы.

Шэнь Хань сначала хотел смолчать, но Жёлтый пёс упрямо мотнул головой, собираясь продолжить свою бесконечную болтовню. Пришлось прервать его:

— Я не знаю вашего Достопочтенного Демона. Раз уж ты дух-оборотень, выбери время да уходи отсюда.

— Никак нельзя, супруга! — не на шутку разволновался пёс. — Пусть моё ничтожное мастерство и оставляет желать лучшего, простым смертным со мной ни за что не сладить! К тому же, раз уж сам Владыка велел мне явиться к вам, вы точно знакомы.

«Если этот оборотень уверяет, что при должном усердии в совершенствовании сможет принять человеческий облик... то и мой А-Бай тоже на это способен?»

В последнее время чужаки то и дело выпытывали у него всё об А-Бае. Даже родня дяди навевалась несколько раз — и все как один твердили о каком-то сокровище, которое якобы оставил пёс. Шэнь Хань и понятия не имел, что это за сокровище, но в его душе вопреки всему теплилась хрупкая надежда. Что, если его верный чёрный пёс жив? Что, если однажды он тоже обернётся человеком?..

Поняв, что расспросами ничего не добьётся, Жёлтый пёс разочарованно вильнул хвостом и уполз обратно в свой угол — спать.

Шэнь Ханю сегодня улыбнулась удача: в силоч, оставленный в лесной чаще, попался жирный фазан. Парень ошпарил его крутым кипятком, тщательно ощипал, выпотрошил, аккуратно удалив горькую желчь, а затем нарубил тушку на мелкие кусочки. Мясо он быстро обжарил в глубоком чугушке и оставил томиться в ароматном бульоне со специями. На десерт он нарвал свежего боярышника, хорошенько промыл его, обдал кипятком и щедро пересыпал сахарным песком.

Пока обед томился в малом котелке, в большом чане вовсю кипела вода для чая. Проходившие мимо путники и разносчики заглядывали на огонёк. Почувяв доносившийся из кухоньки аппетитный аромат мясного варева, они добродушно усмехались, поздравляли молодого хозяина с роскошной трапезой и, оставив на столе несколько медных монет, продолжали свой путь.

Ближе к полудню у навеса остановился целый караван. Купцы, решив дать отдых навьюченным повозкам, шумно повалили внутрь. Для Шэнь Ханя это была редкая удача — неожиданный заработок. Он так и заметался между столами, торопливо расставляя пиалы со свежесваренным чаем.

— Хозяин, а хозяйский ли это пёс? — подал голос Мышиноголазый, воровато зыря в сторону дремлющего в углу оборотня.

Шэнь Хань, по обыкновению держась поодаль, негромко ответил:

— Нет, не мой. Уважаемые гости, сегодня к чаю подают сладкое. Не желаете отведать? Всего две монеты за блюдце.

— Давай неси, — хмыкнул Мышиноголазый и тут же вернулся к прерванному разговору: — Раз уж пёс ничейный, зачем его тут задаром кормить? Продай его нам. В дороге всякое случается, ночевать приходится под открытым небом. С толковым сторожем спать куда спокойнее будет.

Шэнь Хань покосился на бездельничающего пса и покачал головой:

— Не продаётся.

Мышиноголазый настаивать не стал. Когда перед ним поставили глиняное блюдце, он небрежно подцепил пальцами засахаренную ягоду боярышника и отправил в рот. Он приготовился было скривиться от нестерпимой кислинки, но вопреки ожиданиям вкус оказался изумительным — нежным, в меру сладким, с приятным вяжущим послевкусием. Даже этот скрывавшийся под личиной купца заклинитель, давно достигший стадии Отказа от Пищи, невольно восхитился качеством угощения. Блюдце опустело в один миг.

Поняв, что вывести больше ничего не удастся, «торговцы» поспешили расплатиться и откланялись. Отойдя на приличное расстояние по дороге к городу Тэнчжоу, они внезапно растворились в воздухе вместе со своими повозками и товаром, словно их и не было.

Любое мирское кушанье неизбежно отравляет меридианы грязью. Стоило заклинателям проглотить сладкие ягоды, как они поспешили укрыться в густых кронах придорожных деревьев. Усевшись на ветвях, они закрыли глаза и принялись спешно направлять потоки ци, стремясь вытолкнуть скверну наружу. Однако, к их полнейшему изумлению, даже после того, как духовная энергия совершила несколько полных кругов по каналам, никакой грязи в теле не обнаружилось. Боярышник усвоился без остатка.

Для любого совершенствующегося это было немыслимо! Ведь именно из-за накопления шлаков аскеты стремятся поскорее отказаться от обычной пищи, перебиваясь редкими пилюлями Бигу, которые из-за этого ценились на вес золота.

— Сокровище наверняка зарыто где-то под корнями, — первым открыл глаза Мышиноглазый. Ему досталось больше всего ягод, а потому и эффект он ощутил отчетливее прочих. — И боярышник, и эти хризантемы так пышно цветут неспроста. В них почти нет скверны, что для нашего уровня развития — невероятная редкость. В чае это было трудно разобрать из-за малого глотка, но в плодах отчетливо бьётся тончайший, чистейший родник духовной энергии!

Остальные согласно закивали.

— Способность незаметно подпитывать чужие духовные силы... Похоже, под землёй скрыто высокоранговое сокровище высшего класса!

— Не торопись с выводами. Наше мастерство слишком ничтожно. Сильнейшие среди нас едва достигли стадии Отказа от Пищи, а младшие и вовсе застряли на стадии Заложения Основы. С таким слабым ядром даже обычные пилюли могут показаться даром небес.

— Едва ли нам по силам завладеть подобной реликвией, — вздохнул один из даосов. — Но что, если мы станем заглядывать к нему почаще ради этого боярышника?

Эта мысль пришлась всем по душе. Набивать утробу чистейшей духовной энергией за жалкую горсть медных монет — сделка более чем выгодная.

К полудню у чайного навеса наконец наступило затишье. Шэнь Хань устроился перед огромной деревянной лоханью и принялся перемывать посуду. Жёлтый пёс тут же вынырнул из своего угла, заговорщически склонил голову к его плечу и зашептал:

— Супруга, эти торгоши точно замыслили недоброе! Зуб даю, они хотели выкупить меня, чтобы пустить на жаркое! До чего же вы добры, что не отдали меня им. Но как они уплетали этот кислющий боярышник — уму непостижимо! Настоящие безумцы...

— А ты... знаешь что-нибудь об А-Бае? Это чёрный пёс, — тихо спросил Шэнь Хань, бережно вытирая глиняные пиалы и складывая их ровными стопками.

Вообще-то приличному дорожному приюту полагалось подавать гостям сладости, но лишних денег у парня никогда не водилось. Лишь недавно во время поездки в Тэнчжоу ему посчастливилось наткнуться на торговца саженцами. Когда он покупал это деревце боярышника, все плоды на нём были совершенно зелёными, но стоило закопать корни в землю у навеса, как за одну ночь они налились густым багрянцем. Теперь Шэнь Хань окончательно убедился, что потратил тогда свои последние сбережения не зря.

— Гав? Гав-гав! Тяв-тяв-тяв!.. — Пёс от избытка чувств зашелся звонким лаем и лишь спустя время сообразил, что собеседник его не понимает. Торопливо прочистив горло, он заговорил по-человечески: — Нашего Владыку эти проклятые праведники заперли в неприступном горном дворце под тяжелейшими печатями. Обычному смертному туда ходу нет. Я и сам близко подойти не сумел, лишь издали расслышал доносившийся изнутри грозный лай. Так и понял, что Владыка жаждет взять вас в законные супруги!

— Понятно, — вздохнул Шэнь Хань. Заметив, что пёс вновь собирается завести свою волынку, он поспешно кивнул, показывая, что разговор окончен.

Остроконечные уши бедолаги уныло повисли. Он поднялся на лапы и побрёл к выходу:

— Ладно, супруга, вы побудьте пока здесь, а я схожу в лес, добуду чего-нибудь к ужину.

Затаившиеся в чащобе заклинатели мигом подобрались, завидев выбежавшего на тропу оборотня. Однако нападать не спешили — среди них завязался тихий спор:

— Добыть внутреннее ядро этого кобеля — затея заманчивая. Но если хозяин чайной почует неладное и закроет лавку, мы лишимся доступа к чудодейственному боярышнику. Стоит ли овчина выделки?

— Верно мыслишь. Этот зверь едва переступил порог обретения разума. Его ядро пустое, много сил из него не выжмешь.

— Куда выгоднее побережь эту дойную корову. Если лавка у дороги продолжит работать, мы сможем подпитывать свои меридианы ежедневно. Это лучше, чем прозябать в пыльных пещерах.

— На том и порешим.

Ничего не подозревающий пёс, только что чудом разминувшийся со смертью, преспокойно трусил по тропинке, задрав хвост пистолетом. Углубившись в чащу, он наложил на себя простенькую Технику Отвода Глаз и принялся беззастенчиво хватать зазевавшихся зайцев да куропаток, перекусывая им хребты.

Шэнь Хань неслучайно обустроил своё скромное пристанище именно здесь, у кромки векового

бора. Густой лес частенько одаривал его свежей дичью, позволяя разнообразить скудный рацион. Расположись он у главных городских ворот города Тэнчжоу, за каждым куском мяса пришлось бы идти на рынок и тратить драгоценную медь, что было пагубно для его и без того тощего кошелька.

Шло время. Вести о таинственном источнике силы разлетались во все концы. Молодые послушники, посланные мелкими школами на разведку, спешно возвращались к своим наставникам со срочными донесениями. Раз великий зверь стадии Великого Просветления сгинул, скрытое сокровище лишилось хозяина. А в мире совершенствующихся редкое сокровище — узел вечного раздора. И пусть праведные мужи любят рассуждать о благочестии, ради ценного артефакта они готовы перерезать глотку не менее хладнокровно, чем самые отъявленные демонические отродья.

Школы заклинателей, расположенные в тысячах ли от Тэнчжоу, спешно снаряжали поисковые отряды. Один из вестников, торопившийся к своему патриарху, столкнулся в пути с коварным демоническим практиком. Бедолагу прирезали на месте, а из его остывающего тела вырвали душу. Испив чужих воспоминаний, убийца тут же смекнул, какая добыча плывёт в руки. Понимая, что в одиночку с праведными орденами ему не сладить, демон быстро созвал шайку таких же алчных пособников.

Пусть эти мелкие кланы и считались в поднебесном мире ничтожной шелухой, для простых смертных они всё равно оставались грозными небожителями. В их рядах числились мастера стадии Зарождающейся Души — сила, способная стереть Тэнчжоу с лица земли одним мановением руки. Подобные захолустные городишки, лишённые залежей ценных трав и покровительства сильных заступников, сильные мира сего никогда не принимали в расчёт. Одно небрежное движение рукава — и десяток таких поселений обратится в прах.

Теперь же, подхлестываемые слухами об артефакте павшего владыки стадии Великого Просветления, эти спесивые праведники неслись к Тэнчжоу во весь опор, тщетно пытаясь при этом сохранить на лицах величавую невозмутимость бессмертных. Выглядело это зрелище неописуемо нелепо.

Вскоре из зарослей показался Жёлтый пёс. Он победоносно тащил в зубах жирного фазана, а на широкой спине его покоилась тушка зайца. Глядя на эту горделивую морду, Шэнь Хань невольно улыбнулся. Его верный А-Бай в прежние времена поступал точно так же: сорвётся, бывало, в чащу, набегается всласть, а к вечеру обязательно приволочет какую-нибудь добычу.

Торговля у чайного навеса в эти дни спорилась как никогда. Помимо привычных работяг и проезжих бедняков, за столы то и дело усаживались солидные «купцы». Они охотно брали чай, не скупясь, заказывали сладкие плоды и расплачивались звонкой монетой. В кошельке Шэнь Ханя впервые за долгое время приятно затяжелело.

Впрочем, подавать простой засахаренный боярышник было накладно — слишком много уходило сахара. Поразмыслив, юноша решил приготовить боярышниковую пастилу. Этому нехитрому ремеслу его давным-давно обучил прежний хозяин чайной лавки, и теперь, закрыв глаза, Шэнь Хань без труда мог вспомнить тот дивный, нежный вкус с легкой, освежающей

кислинкой.

Ягод на деревце с каждым днём созревало всё больше. Шэнь Хань бережно собрал самые крупные и сочные плоды, промыл их в колодезной воде и удалил косточки. Затем засыпал сахаром, разварил до мягкости и протёр через сито, избавляясь от жесткой кожицы. К утру ароматное пюре застыло, превратившись в упругие, полупрозрачные брусочки рубинового цвета.

Жёлтый пёс уселся рядом, по-человечески скрестив передние лапы, и со знанием дела кивнул:

— И всё равно кисловато! Я бы лучше куриную ножку сгрыз. Но выглядит знатно, супруга, у вас золотые руки!

Заклинатели, исходившие слюной в зарослях, едва ли не воочию зрели густые потоки духовной энергии, сочащиеся из глиняной посуды. Они уже наложили маскирующие чары и тщательно проверили свои мантии, собираясь выйти на дорогу и явиться к навесу под видом обычных путников.

Но внезапно воздух со свистом уплотнился. Мощная волна чужой духовной силы прокатилась над лесом, заставив испуганных шпионов замереть. Решив, что сокровище наконец явило себя миру, они испуганно обернулись к тракту — и обомлели. Скромный чайный навес уже плотным кольцом окружали мастера стадии Золотого Ядра.

— С ума сойти... Как они посмели явиться без предупреждения? Неужели они не боятся запятнать карму убийством невинного смертного?

— Какая к черту карма, когда на кону такое сокровище! Много ли в наших краях мастеров стадии Великого Просветления? А тех, кто благополучно достиг Стадии Преодоления Скорбей и вознёсся в Мир бессмертных? За последнюю сотню лет — раз, два и обчёлся! Мы трясемся над каждым своим шагом лишь потому, что слабы духом и ничтожны в своём ремесле. А сильные берут своё силой.

<http://bllate.org/book/20638/2106614>